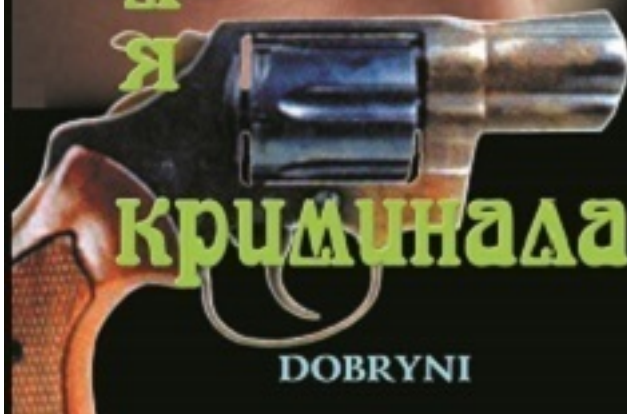

Valentin
Gurzhi

Вариант

Д
А
Я

Криминала

DOBRYNI

Валентин Гуржи

Вариант для криминала

«Автор»

2016

Гуржи В.

Вариант для криминала / В. Гуржи — «Автор», 2016

В жизни главного героя было все – и любовь, изуродованная культом личности, и гениальность ученого, запертая в тюрьме государственного масштаба, и семья, претендующая на безбедное существование, и творчество, ограниченное политическими репрессиями, словом... было все, кроме... счастья. Обычного Человеческого Счастья. И все же было то, чего невозможно отнять: у Любви – яркая, сильная любовь, хоть и обреченная; у Творчества – надежда на Свободное будущее...

Валентин Гуржи

Вариант для криминала

Роман

Было бы причиной

сожаленья

торговать, как товаром,

Возвышенным Ученьем

Мудрецов

Москва, Научный Совет

Прощаясь с Москвой, он никогда не брал с собой попутчиков.

Если рассматривать связь информации и время, то все, что лежит в основе его с Робертом методики Совершенства Разума и все повлекшее за этим, исподволь принуждает

к пересмотру уже разработанных «Практических пособий» для развития сверхчеловеческих способностей. Эта мысль ввергала его в смуту. Да что там смута! Она, эта мысль, придя неожиданно, сейчас, накануне отъезда, выбивала из-под ног творческую способность и уверенность, отравляла ему жизнь. Она ехидно нашептывала новые вполне реальные возможности человеческой природы, склонной к наслаждению садомазохизма, точнее – стремящейся к подавлению личности грубой силой, в первую очередь – террором.

В последнее время, задумываясь над некоторыми фактами, он вдруг сделал вывод, что человечество буквально проваливается в пропасть жестокости. Работая над открытием, возбудивший резонанс в мировой науке о реальной возможности сделать человека совершенным, способным предотвратить катастрофу, угрозу войны, излечить любую болезнь, не соприкасаясь с какими-то бы ни было материальными средствами, – Назаров то и дело наткнулся на белые пятна генетического порядка. Что-то его настораживало и тормозило работу. Безусловно, опыт ему помогал отбрасывать второстепенное, что могло бы помешать правильному завершению основного... Теперь же он невольно искал источник, по причине которого опять (в который раз!) он приходил к мысли о сомнительном завершении идеи. Может быть, это исходило от Роберта Корнева, его коллеги, с которым он более пяти лет работал над проблемой. Роберт изредка высказывал по поводу своих же версий не очень лестные мысли. Он говорил примерно о том же. О времени меняющей информацию, о гаметах – мужских и женских половых клетках, способных по И. Земану веками сохранять колоссальный объем информации до тех пор, пока не произошло зачатие, и не начался процесс развития зародыша. И если предположить, что информация гамет определенного субъекта несет агрессивную родословную, то можно себе представить что и кто вырастет из новоявленного потомка! Не значит ли это, что весь их труд, все сделанное ими может оказаться в будущем сумасбродной идеей. И еще не дай Бог – социально опасный, подобно открытию цепной реакции урана для двадцатого века... Выходит, ты прозрел, для того чтобы поучать Мир. Может быть...

Может быть, нечаянно брошенная кем-то из коллег по теме фраза, суррогат нераскрытой мысли, теперь вносит неотвязную смуту. А ведь то, во что мы верим,

1

становится реальностью. Что это – то, что заложено судьбой? Или предрешиено силой твоего сознания? Где же тогда предшествующие признаки?

– Если ты этого не видишь, то не значит, что его нет, – произнес он вслух, будто рядом идущему собеседнику для большей убедительности.

– Люди запоминают самое явное и часто встречающееся, – мысленно получил он ответ,

– но далеко не все верно распознаваемое...

Кто знает! Но эта мысль, если она не имела плоти, все чаще сейчас раскрывала себя, обрастая мясом, в другом, более ясном облике, и тревожила, и беспокоила. Чем ближе поездка в Америку на Всемирную конференцию по Биоэнергетике, тем все настойчивей стучится в его сознание эта опасная и справедливая мысль. Мысль, которую теперь не было времени раскрутить.

Назаров шел прогулочным шагом, как всегда он делал перед долгосрочной поездкой в Мiami, словно прощался с Москвой, где родился, где всю жизнь проживали его родители, дедушки и бабушки. Он никогда не брал на свой ритуальный марш ни знакомых, ни близких. И те, и другие, как ни хитри, отвлекали, а это не давало сосредоточиться, мешало

прочувствовать близость родного дома – теплый асфальт под ногами, выбоины на них, телефонные будки, скверы, магазины, кинотеатры, это яркое июньское небо, в общем – все, на чем вырос Назаров с первого своего сознательного шага. Может ли он, мы все люди, разорвать эту связь своего внутреннего с внешним? Потерять, чтобы потом, жалея

о

содеянном, не найти, и страдать до конца своих дней. Мы живем в мире прелестей, и ценить их нужно с божественной бережливостью.

Его ритуал по Беговой не выносил попутчиков. Вот уже и стадион «Юных пионеров», справа пошли серые жилые дома, где в сороковых жили писатели. На доме доска: «Советский писатель Борис Горбатов»... Потом возник магазин «Молоко», куда мальчишкой бегал за молоком и кефиром по жесткому правилу родителей. Возраст постарше оставил в памяти дефицитные грязно-коричневые галоши. Он их покупал для себя и своих уже постаревших родителей в магазине «Обувь». Помнится, еще сразу после войны сорок первого это были черные, блестящие на байковой подкладке нарядные галоши. Держа их в руках, хотелось понюхать заманчивый запах и попробовать на вкус. Голодное было детство...

Назаров взглянул на часы, оставалось еще немного времени, чтобы успеть на заседание Ученого Совета, который собирался в малом зале «Лектория». Туда, как договорились, придет из Харькова его друг и соавтор Роберт Корнев.

*

За зеленым столом заседаний пять человек: председатель, Назаров, Корнев и два зарубежных пожилых гостя. Пока собиралась и усаживалась публика в зале, друзья нескладно расспрашивали друг друга и делились новостями.

– Меня все чаще затрагивает твоя фраза, Роберт, – произнес вполголоса Назаров, – помнишь, что ты сказал?

– Это в отношении информации и времени половых клеток, в гаметах? – Роберт внимательно обвел друга взглядом. Стекла его очков, как бы импонируя хозяину, зло-

радно

блеснули висящей над потолком огромной серебристой люстрой, тонкой стрелкой кольнули Назарову зрачки.

Роберт, собираясь с мыслями, по-мальчишески заморгал ресницами. Заметней обозначилась плешь на его голове. Теперь Назарову Роберт представился с лицом Плейшнера перед своим роковым шагом в Швейцарии...

– Знаешь, Володя... Выкинь из головы весь мой бред. Ты меня знаешь давно... Я боюсь своих мыслей. Они не раз портили людям жизнь. Пусть плохим людям... не в этом дело. Но мысли мои. А это плохо. Для меня. Я их боюсь. Так что выкинь из головы. Сейчас не вовремя. Тем более – перед твоей поездкой...

– Постой, приятель! Что ты несешь? Не моей, а нашей поездкой.

2

– Нет, Володя. Я не еду. Меня не пускают.

Назаров, растерянно оглядел лицо друга, тихо переспросил:

– Как это не пускают?! Кто не пускает?

– Кто... – Роберт отвлеченно глянул в зал, – известные нам органы. Я, видите ли, работаю в военном ведомстве. Засекречен я, – добавил он зло.

– Так и сказали?

– Так и сказали.

– Вот идиоты! – вырвалось у Назарова. – Завтра у меня с ними randevu. Посмотрим. От меня они не отвернутся. Я им устрою позор на всю Россию. Меня можно остановить только физически.

– То есть? – настороженно спросил Роберт. – Убить?

Назаров рассмеялся:

– Это ты подумал, или просто сказал для смеха?

Роберт не внял шутке, его лицо помрачнело еще больше, и он ответил вполне осмысленно:

– Нет, Володя. Не подумал. Теперь я с этим обращаюсь поосторожней. Не волнуйся.

Забудь мои придирки о гаметах. В Miami это тебе только повредит, – Роберт откинулся на спинку стула, снял очки, принялся протирать их лоскутом замши.

Роберт знал вспыльчивую натуру Назарова. Только бы не наломал он дров. Его напарник вполне способен выдвинуть ультиматум в представительстве КГБ. Упереться рогом.

– Постараюсь, Корнев, – задумчиво проговорил Назаров. Затем, прикрыв веки, добавил, – завтра там поговорим... Ой, как поговорим! Либо так, либо никак.

– Ты в своем уме? – вскинулся Роберт. – Черт! Я только об этом подумал, а он тут же! Соображаешь, что говоришь? Хочешь загубить наш многолетний дьявольский труд?!

Назаров с тоскливой укоризной глянул на Роберта, но сделав усилие, сбросил с себя недовольство и без деликатностей тут же перевел стрелку на более мирную тему:

– Как дома, Женечка?

– Нормально, – еще не успев остыть, машинально ответил Роберт.

– Вы у меня в моей памяти, как молодожены, – добавил Назаров, словно за что-то оправдываясь.

– Да, уж, – скупно улыбнулся Роберт, вспомнив, что последний раз Володя был у них на день рождения Евгении.

– А тесть твой, Георгий Яшуткин... Как он? Чем занимается? Работает? Известная личность...

– Обыкновенная, – отмахнулся Роберт.

– Я бы не сказал. Не так уж много у танка Т-34 главных конструкторов, – наступал Назаров. – Как он себя чувствует? Работает?

– На пенсии. Занимается садоводством.

– Да, я помню. Это его любимое.

– Заведует музеем на заводе имени Малышева, – остыв немного вяло добавил Роберт. – Ты же был у него на экспозиции.

– Был. Грамотный мужик! А дети твои приходят в гости?

– Сын приходил несколько раз. Только сын...

Роберт неохотно и односложно отвечал, только бы не обидеть друга. Он понимал, что Назарову нужно было сменить тему. Это сейчас важнее. И ему это, кажется, удавалось. В зале резко затих людской говор. Председатель встал, внимательно окинул присутствующих.

– Мы здесь собрались, друзья, в очередной раз, как вам известно, обсудить очень важную работу наших уважаемых коллег, профессора Назарова Владимира Александровича и исследователя Роберта Корнева. У нас в гостях представитель

3
Института Исследования Разума в Блу Ридж, штата Верджиния, Достигший высшей степени лхарамба по буддийской метафизике, Норбу* Нгагван...

Старец тибетской наружности, с сизовой бородкой среднего роста привстал, сомкнув возле груди кисти рук, с достойной медлительностью едва заметно преклонил голову.

– И Доктор наук Оксфордского университета, Воль Берг...

Доктор с места молча наклонил голову.

– Краткий проспект многие из вас получили на прошлой неделе, надеюсь, все ознакомились с новой редакцией и новым изданием, уже окончательным. С этим багажом наши ученые на днях уезжают в Miami на конференцию Биоэнергетики. Для нас, для Академии Наук СССР, как и для всего советского народа, это большая честь, это поднимает наш научный авторитет в глазах людей всего мира в ведущих государствах планеты. Это огромный, я бы сказал, шаг на пути к строительству коммунизма у нас в стране. Я хочу, чтобы все высказывались по списку и придерживались регламента. Началась обычная полемика скептиков и оптимистов. Как будто это что-то могло изменить в намеченном и уже решенном. Выражали сомнения в отношении преемственности субъекта с неблагополучной родословной. О том, что наследственные установки, пришедшие с рождением, могут встретить при инициации Практического пособия серьезные противоречия, что в традиционной медицине называется сшибкой.

Как

уживутся две несовместимые информации в подсознании субъекта?

– Практикующий йогин, в том случае, если карма его чиста, достигает своего совершенства независимо от установок прошлого, – высказал свою завершающую речь доктор Воль Берг.

После его слов в зале инициатива несколько спала. Но поднялся Норбу Нгагван. Его движения были неторопливы и торжественны. Поклонился в обе стороны зала с сомкнутыми ладонями возле груди и сказал:

– О, Благороднорожденные! Мне есть вам что сказать. Ваш путь – через учение Победителей в Истине. И это благородное деяние само по себе уже священно. Оно предназначено явиться в наши трудные дни с вашей помощью на Землю. Да обретут все существа, блуждающие в Сангсаре, покой в сфере Ясного Света! Вы, господа ученые, на верном пути, да будет вам в помощь сопутствовать порожденная Бодхичитта! – он поклонился и степенно сел на место.

– В чем корень зла, товарищи? – одиноко рассеяно прозвучал безликий голос из глубины зала.

На лобовой вопрос никто не ответил.

Присутствующие еще минуту осмысливали услышанное. Постепенно нарастал обсуждающий ропот и в этот, еще не известно чем завершающий момент, сорвался с

места

растрепанный среднего роста и возраста мужичок в затасканной больничной пижаме.

Лицо у него было встревоженное, казалось, до предела, глаза бегали. Он быстро поднялся к президиуму и, остановившись на краю авансцены, сходу начал:

– Корень зла лежит в наследственном генотипе, господа. Да-да – господа, а не товарищи. Вы любезнейшие, есть «Господа». С большой буквы. Господа, в руках которых судьбы людей Планеты. Вы – те, которые могут загубить или спасти мир. Вас используют, господа. Вы не имеете право быть в стороне от политики! Посмотрите, чем играют дети

агрессивных народов – взрослым боевым оружием: пистолетами, автоматами... Это у них в крови от родителей и дедов. В истории Земли не существует более опасного оружия против человечества, чем антиприродное идеологическое перерождение общества. Оно опаснее любого бактериологического, оно не оставляет места ни для побежденных, ни

для

победителей. В его основе – сверхсознательные установки заинтересованной стороны, довлеющие над человеком всю его жизнь. Из поколения в поколение эти установки плохо изменяются и очень медленно ослабевают, оздоравливая общество. А я уверен, что они наоборот – еще более ожесточаются, растут не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

4

– Что вы этим хотите сказать? – недоуменно прервал его Назаров.

– А то, Владимир Александрович...

– Мы знакомы?

– Еще и как! Даже давно. Я давно слежу за вашими гениальными исследованиями по всем искаженным статьям нашей прессы. И хочу вас, Назаров, предупредить. Вас ждет та же судьба, что постигла меня... – он демонстративно оттянул пальцами отворот пижамы.

– Позвольте, – лицо председателя покраснело от негодования, – это что, угроза? Кто вы? Не выдержав удачной возможности разрядить обстановку, кто-то в секундной заминке бросил досадную шутку:

– Демон случайного абсолютного зла, орудие слепого рока!

– Да, господа. Это мягкая угроза. Это угроза Назарову, гениальному ученому, вам, коллеги, мне... всем добрым людям Земли.

– И что же вы предлагаете, господин?..

– Называйте меня Сабуровым. Мне это имя очень идет. Так меня называют там... откуда я пришел. Предлагаю... Мне нечего вам, Владимир Александрович, предложить, кроме одного – откажитесь от поездки на конференцию в Miami и подальше запрячьте свое открытие. Лучше сожгите. Пока ваш гениальный труд не попал в плохие руки. Ибо то, что заложено в вашем «Практическом пособии» и есть сверхустановки. Способ их внедрения любому, кто захочет, доступен.

– И что в том плохого? – снова прозвучал чей-то голос из зала.

– Плохо то, товарищ тугодум... извините... что человек с установками агрессии – большой манией подавления личности... – в зрачках его промелькнул страх, – не при-

родная

ли это основа идеологии Дья... – он запнулся, его глаза остановились, на ком-то в начале зала. – Вот они! – выбросил вперед он руку в сторону двух накаченных коротко стриженных молодых мужчин, стоящих по обе стороны входной двери – вот они, посланники Дьявола! Они пришли за мной, господа ученые. Но они опоздали. Я вам доложил, что должен был... – он бросился за кулисы и исчез так же неожиданно, как и появился.

В зале минуту стояла напряженная тишина, потом встал председатель, коротко сказал, что, в общем-то, тема исчерпана, не смотря на некоторые шероховатости обсуждения. Назаров шел к выходу, не замечая Роберта, с тяжестью не столько от неподвижности в онемевших суставах, сколько от чего-то навалившегося еще непонятного, огорчитель-

ного.

Голос, но скорей смысл и огромный подтекст высказанного сумасшедшим ученым Сабуровым, повис над идеей, которой он и Роберт посвятили многие годы. Он просто уничтожал весь их труд. Он просто тонко издевался над благородными мыслями и желаниями авторов идеи. Да только ли это! Он просто угрожал, как выразился

председатель, угрожал угрозой не выступавшего, угрожал угрозой того, что заложено в их с Робертом открытии. Он предупреждал...

Выходя из Лектория, Назаров, сощурился от яркого солнца. Стояло ласковое беззаботное лето. Свежий воздух отрезвлял голову, очищал сознание.

– Роберт, мне очень хочется сейчас пойти с тобой ко мне домой, посидеть, немного расслабиться. Моя Нинон по тебе соскучилась. Она говорила... В общем, пойдем? Роберт не возражал. Он с радостью приобнял друга за плечи, и они повернули к перекрестку.

Совсем недалеко от проезжей части собрался народ. Обступили лежащего на асфальте человека. Любопытных оттесняла только что прибывшая милиция. Назаров и Роберт протиснулись поближе. На асфальте у края бордюра недвижимо лежал с окровавленной головой человек в пижаме. Это показалось нереальным.

– Как это произошло? – машинально спросил Назаров у милиционера, грубо рукой толкающего его в грудь.

– Проходите, товарищи! Проходите! Что вы уперлись? Интересно? Не видел живого мертвеца? – старшина жестко уперся взглядом в лицо Назарова.

5

– Это не мертвец, – так же автоматически проговорил Назаров и показал Роберту пальцем на лежащего в искаженной позе мужичка, несколько минут назад выступавшего

с

авансцены. – Это Сабуров!

– Вы его знаете? – спросил настороженно сержант. – Его сбила черная «Волга».

– Нет. Просто... он нам напомнил одного приятеля. Только что выступал на Совете... Старшина внимательно посмотрел на Роберта и Назарова.

– Да, – односложно подтвердил Роберт.

Но старшина ничего не сказал, отошел к подступающей новой волне зевак.

К метро шли молча.

Происшедшее походило на рок.

Предупреждение всегда вначале носит характер намека. Если с первого раза не поймешь, судьба предоставит тебе еще один шанс. Не поймешь во второй раз, оставит третий, последний. Но это будет уже последний...

О чем думал по дороге домой Назаров? О чем думал Роберт, идя рядом и не замечая друга,

к нему в гости? Бог знает! Но они шли спокойно, словно не видели только что сбитого машиной Сабурова с обезображенным лицом валяющегося у края бордюра. «А ведь он был нашим коллегой. И погиб, может быть, чтобы подтвердить сказанное на личном примере»... – подумал Назаров, нажимая кнопку звонка своей квартиры и пропуская вперед Роберта навстречу улыбающейся супруге.

Лубянка

Остается за спиной...

Уходят из памяти, тускнеют страстные фрагменты излияния человеческого ужаса и животного страха. Великое наслаждение с каждой минутой ограничивается машиной нового времени. Связываются неожиданно возникшим в сознании людей прозрением освобожденного взгляда, будучи замкнутого в железном вакууме железной рукой Инквизитора. Что-то ушло, что должно было уйти в свое время, что было причиной и завершилось логическим следствием. Оно имело свой природный срок, но оставило дозревать главному, что придет потом, не скоро, отдав ему всю свою энергию. Досадно закончились экстазные оргии Великого Последователя Маркиза Де Сада. Похоже, уходит

в

дремоту основной человеческий инстинкт, движущая сила человеческой природы, отрицаемая нравственностью идеального Чудака – наивного и смешного. Как же можно не

знать простого: человек феномен наслаждений. Это его жизненный стимул, без которого жизнь становится серой массой в сером царстве. Все – от вкуса пищи до убийства имеет свою логическую последовательность и природное развитие. Умиравший отдает свою энергию живущему!

...Уходит из памяти, слабеет собранное в гримасу безысходности женское лицо – лакомый кусочек всемогущих мужей Страны Советов, – неопишуемой красавицы, известной киноактрисы периода социалистического реализма, на животе которой, как следует из протокола допросов КГБ, разыгрывались картежные страсти партийных номенклатурных мужей. В афинские ночи, устраиваемые высшей мужской элитой

Страны,

со сладострастной слюной на подбородке созерцали они ее танцы на столе в голем виде...

Бежит, бежит высокий каменный забор на Садовое кольцо и на улицу Качалова, за которым не видно приземистого дома очередного выдающегося Инквизитора Страны Советов. Каково ощущение от жуткой мысли, когда в безлюдный поздний вечер тебе в затылок дышит черный призрак сексуального маньяка и не хватающий за руку только потому, что тебе уже за двадцать с лишним... А если нет, и ты еще школьница? Тогда окажешься на Его сексуальном ложе, отдавая ему энергию для наслаждения криком о

б помощи или безумной мольбой о пощаде. Вот оно – Великое наслаждение слепого инстинкта, дающего стимул жизни!

Да. Уходят в прошлое человеческие шалости на поприще узаконенных садистских изощрений. Все скучней преобразуется жизнь в великой Стране Советов. Текущий век делится на две эпохи – на Великую Эпоху Созидания до смерти Сталина и после нее... Заметно меркнет стимул жизни, подавляемый чуждыми установками и желаниями. То, что осталось от прошлого инстинктивно прячется, закрываясь от внешнего мира неприступной дверью подсознания, чтобы сохраниться там и быть готовым в любую благоприятную минуту выйти наружу и насладиться своим родным привычным делом. Неуютно и пакостно на душе от этой ущербности. И только приближаясь к дому КГБ на Лубянской площади, чувствуется облегчение, прилив интереса к чему-то впереди, к

тому,

чего лучше не знать, чтобы не отпугнуть обманчивое радостное сладострастие. Еще сильнее вырастает это чувство, когда в ладонях ощущается массивная ручка дубовой двери подъезда №1-а, когда открывается тяжелая грозная масса, физически внушающая любому входящему безграничную власть вершителя судеб. У входа встречают трое вооруженных солдат, приветствуют, если этого достоин, и по должности можно не предъявлять пропуск, но это все равно нужно делать, соблюдать святой ритуал, без которого власть теряет смысл. Потом идет вверх лестница в просторную приемную. Там встретит испытывающий взгляд молодой секретарши с лицом, меняющимся в зависимости от ранга посетителя. За ее спиной тяжелая дверь, ведущая в прихожую и большой кабинет с длинным Т-образным столом, массивным креслом для начальника, портретом Ленина над креслом, бюстом Дзержинского возле стены, камином в углу,

тремя

окнами, выходящими на Лубянскую площадь, где темной длинной тенью стоит Монументальный Железный Феликс.

Слева на столе под рукой пульт телефонной связи с кнопками и ярким гербом Союза Советских Социалистических Республик.

Когда кресло всеобъемлет расправленную спину, заставив поверить в реальность еще одного наступившего счастливого дня, кресло, десятилетиями наводящее ужас на Страну,

тогда можно закрыть глаза и мысленно ощутить окружающую обстановку, дающую уверенность Вершителя в деле строительства Коммунизма. Первым в нем сидел Дзержинский, потом Ягода, Ежов, Берия... Очень лестно помнить, что его называют креслом Инквизитора. Эта мысль поддерживает и вселяет уверенность. Еще и то, что позади, за спиной – там дверь в еще одну прихожую и еще один кабинет – Дзержинского. Самая примечательная деталь здесь – камин. Кабинет показывали во всех революцион-

ных

киносюжетах. В прихожей туалет, душ, комната отдыха с кроватью, небольшим холодильником, платяным шкафом.

Мысленно вернувшись, обнаруживается, как и в былые времена, – папка уже лежит на полированной поверхности стола. В ней очередное «Дело», еще один лакомый кусочек от «врагов народа», испробовать который хочется с таким нетерпением. Жаль только, что теперь не раскрутить это «блюдо», как прежде, с профессиональным знанием дела, с расстановочкой и вкусом. Хотя, какая разница! Можно и представить, Бог не обидел памятью о прошлом и живым воображением... Слышится, слышится лязг железных дверей, звяк тюремных ключей, крики, плач, измученные, ожесточенные лица жертв и палачей. Женская обнаженная фигура, стоящая в карцере-одиночке на покрытом льдом полу, обливаемая ледяной водой – все для получения ложных показаний – наслаждение для мужчины в облике Дьявола...

В тонкой папке:

«Справка от 6.12.75 г.

Совершенно секретно.

Как следует из протокола от...

Назаров Владимир Александрович, 1935 года рождения, г. Москва, (женат на Серенко Нине Марковне, малолетний сын Анатолий Владимирович), ранее по делам не проходил, 7

ученый международного уровня, тема – Биоэнергетика, Тибетские доктрины йоги, автор опасного открытия совместно с Робертом Корневым, инженером-исследователем научно-

исследовательского Института (закрытого первого отдела) Министерства Вооруженных Сил СССР.

Пояснительная беседа:

- Товарищ Назаров, надеюсь вам понятно, зачем вас пригласили?
- Догадываюсь. Как обычно перед поездкой в Америку на конференцию вы решили повлиять на меня должным образом. Не так ли?
- Надеюсь, вы понимаете, о чем пойдет речь? Мы думаем, что нет. Поэтому. .
- Извините. Можно узнать кто это «мы»?
- Мы – лицо государства. Вы – деталь этого лица. Мы следим за его чистотой. И поэтому никто не может изменить его, как заблагорассудится в угоду личных взглядов...
- Что, личное не имеет общественного значения?
- Вот именно. Хорошо выражаетесь.
- Это не мои слова.
- Да? Нам будет интересно узнать, чьи же. Но это потом. А сейчас я хочу вас проинструктировать.
- У меня к вам серьезный вопрос, касающийся моей поездки на Международную конференцию в Miami. Как вы понимаете, проблема, которую там будут обсуждать, очень

важна в общечеловеческом значении и полноценность нашей с моим соавтором по открытию феномена, Робертом Корневым без его участия не будет обеспечена.

– Об этом мы уже с вами говорили. Зачем снова возвращаться к тому, что обсуждению не подлежит? Роберт Корнев работает в засекреченном учреждении военного назначения,

выезд ему запрещен, вы это знаете, что впрочем, огласке не подлежит, и вы не далее, чем в

прошлом собеседовании дали подписку.

– Значит, освещение столь важного открытия будет проходить без него?

– Справитесь. На то вы и уважаемый ученый. А сейчас поговорим о норме поведения и ответственности, как словом, так и действием в общественных кругах иностранных государств»...

*

С приходом к власти одного человека в короткий срок рушатся плохие и хорошие устои миллионов. Что будут делать царствующие чиновники с приходом новоявленных фаворитов единственного в мире государства уверенно претендующего на счастливое будущее своего народа? Евгений на этот вопрос не смог бы ответить с приходом к власти нового наследника советской власти по простой причине – в его жизни еще не было опыта... А разведчику главное опыт. Профессиональные наработки.

В другом кабинете, менее государственном, но более ответственном за судьбы своих подопечных, встретились двое – начальник и подчиненный. Это другая компания, другие люди, с другими идеями, но речь шла о том же месте назначения, о тех же участниках, о тех же событиях.

Когда все приличествующие и наставительные разговоры были высказаны, Петр Васильевич заметил:

– «Кобра» вполне реальная головная боль, но не наша.

– Что это? – бросил Евгений с независимой небрежностью любопытного.

Петр Васильевич Горин ему нравился. В характере этого человека где-то внутри, он точно знал, полагаясь на чутье разведчика, таилось домашнее тепло. Напоминало оно родительский дом, мать и отца, живущих вполне благополучной жизнью в Жаворонках в своем доме с садом. Номенклатурная семья... О нем и его родителях заботились, здесь нужно отдать должное, аккуратно и с педантической обязательностью такой очень советской организации, как КГБ.

– Это террористическая группировка в Маями, как нам стало известно от наших агентов в округе Дейд, но необходимо узнать, не направлена ли она своими бредовыми

идеями на срыв отношений между Советским Союзом и США. Я имею в виду скорую поездку главы нашего правительства в Соединенные Штаты. Если да, то пусть этим занимаются соответствующие люди, а вы краем глаза просто понаблюдайте, если вас не затруднит, дабы это не касалось напрямую вашего задания. В общем, вы меня понимаете...

– Да, Петр Васильевич. Вы хотите сказать, что это не главное, что это контрольный пункт в задании, на всякий случай, если пути с агентами по делу «Кобра» случайно перекрестнутся в ходе событий?

– Точно. Ваша же задача – Назаров Владимир Александрович. Оружие, которое он носит в себе, признано на высшем уровне Министерством Вооруженных Сил стратегическим. Сам он этого не подозревает. И это должно остаться в строгой секретности. Ибо, кто знает, эти ученые так ранимы! Владимир Александрович особо, может и сорваться. Что-то еще не так изобретет, – он улыбнулся добродушной улыбкой, –

вы это должны знать. Чтобы четко сознавать огромную ответственность своей миссии. – Все будет выполнено, Петр Васильевич. Это я вам лично обещаю, – теперь улыбнулся Евгений.

Петр Васильевич ответил скромной дежурной улыбкой.

– Там, в Мiами, вам нужно сжиться с обстановкой, время для вас не ограничено, средства тоже. Мы знаем вас, Евгений Петрович, как аккуратного преданного делу советского агента, и я это говорю не только от имени руководства комитета, но и от себя лично. Вы мне симпатичны, Евгений. Лучше будет, если вы... вы ведь холостяк... молодой... обзаведетесь в Мiами семьей, мы вас тянуть сюда не будем, даже после выполнения задания. Для вас там будет всегда работа, которая, я знаю, вам по душе. Так что с Богом, Евгений Петрович. С новосельем вас и всего вам наилучшего в нелегком труде.

Мiами,

Иллюзия Земли

ИЮНЬ двигался к закату. Наступало время, когда местному жителю Мiами на последующие два месяца можно было позволить себе лишнее. Межсезонье приносило отдых туристам и отпускникам, обещало побаловать пониженными ценами и свободой безделья. Для инспектора полиции Джона Конрада этот период был вторым отпуском, дающим возможность полнее проводить время со своей возлюбленной, секретаршей шефа, Моной в ее городской квартире в Мiами-Бич. Или по-мужски встретиться в баре с другом, журналистом одного веского журнала округа Дейд, Майклом, от души поболтать за чашечкой кофе или традиционным их напитком, – коньяком и ледяной водой. И то, и другое как-то скрашивало беспокойную жизнь инспектора Джона, энергичного, неженатого, пятидесятилетнего мужчины. На что-то фундаментальное во время работы рассчитывать не приходилось – все-таки мелкие, изредка возникающие дела, не давали полностью расслабиться.

Когда нужные разговоры себя исчерпали и в голову сам по себе стал лезть всякий бред, Джон откинулся на спинку жесткого кресла, какие были в этом баре, и в блаженном прищуре посмотрел на Майкла:

– Я тут что-то не понимаю, Майкл. Разве тебя не тянет к родственникам в Россию?

Майкл пожал плечами:

– Видно я не подвержен ностальгии, Джон. Родственников там я навещаю где-то раз в два года. Видишь ли, моя профессия нейтрализует это чувство. Приходится много и далеко

передвигаться по делам издательства. Мой последний визит в Россию, как ты помнишь, завершен книгой «На грани».

– Читал. Только странный псевдоним ты взял, приятель.

9

– Это не псевдоним. Это фамилия греческая моего племянника в России. Все, о чем идет речь в этом романе, с его слов. Я прочитал его рукопись, когда был у него в гостях. Там опубликовать это ему не разрешили коммунисты... А как ты находишь «Уникальное убийство»?

– Не читал. Когда ты это написал?

– На прошлой неделе вышел в журнале. Первая часть. Прочти. Мне важно твое мнение, как полицейского. Говорят, я выдал вариант для криминала.

– Ладно. Сегодня ознакомлюсь. Мона получает ваш журнал. Потом скажу.

В боковом кармане инспектора просигналил радиотелефон. Джон удивленно приподнял бровь и приложил трубку к уху.

– Слушаю, инспектор Конрад. Где? Мм... Сейчас еду, – он спрятал телефон, с досадой отвернулся к окну.

Майкл с усмешкой заметил:

– Кажется, Джон, тебе подвалила долгожданная работа.

– Тебе не кажется. Так и есть. У нас соскучиться не дадут. Убийство на Хибискус-роуд 630. Странно – в такое-то время! Черт! А я хотел расслабиться. Теперь накрылась моя встреча с Моной. Хорошо. Приезжай. Получишь материал с первых рук.

– О`кей, я мигом, Джон. Только возьму фотокамеру. До встречи!

Припаркованная у входа в бар машина инспектора, взвизгнув, рванула с места и на скорости скрылась за углом улицы.

*

Секретарша Мона жила одна на Вестфлагнер-стрит в фешенебельной квартире, доставшейся ей от престарелых родителей, переехавших в скромный двухэтажный домик на берегу океана. Неподалеку от дома на Вестфлагнер-стрит находилась автостоянка.

Здесь Джон, даже ночью приезжая к Моне, всегда оставлял машину, и это давно не удивляло хозяев стоянки, благосклонно относившихся к инспектору.

Мона была намного моложе инспектора, и ей казалось, что разница в возрасте лишает их связь всякой перспективы. А она мечтала о семье, она любила Джона и не скрывала этого ни от кого. Даже шеф полиции, Билли Гроунд относился к этому так, если бы Мона уже была замужем за Джоном.

Было еще рано и Мона, выпив для бодрости кофе, не спеша начала собираться в управление. Она вспомнила, что Джон так и не пришел к ней вечером, как обещал, и на работе вряд ли появится. Из отдела расследований сообщили, что он на выезде по убийству на Хибискус-роуд.

Мона ощупью по привычке протянула руку за бюстгальтером на туалетном столике, но с удивлением обнаружила, что его там не оказалось. Не было там и часов-браслета – подарка Джона. Создавалось впечатление, словно ее перенесли в мир другой жизни.

Тогда

она стала припоминать вчерашний вечер и нашла, что он необычно просто прошел в сравнении с прошлыми днями. Вернулась домой рано, шеф отпустил ее, как это он часто делал, когда работы во второй половине дня не предвиделось. Она пошаталась по магазинам и супермаркетам и уже в пятом часу была дома. Вечером же не только не смотрела телевизор, но даже по хозяйству ничего не делала, разделась и легла с намерением проспать до самого утра. Она взяла книгу, как обычно почитать перед сном,

и

заснула, обронив ее на пол. Куда же делись ее вещи? Что это – паранойя? Разве она относилась к тем женщинам, которые бесятся от половой недостаточности из-за отсутствия потенциального мужчины?

Мона в растерянности обыскала все вокруг, а в результате взяла свои старые часы и надела другой бюстгальтер – время подгоняло, и раздумывать было некогда.

На работу все же она опоздала. Шеф, не поднимая головы от бумаг, кинул исподлобья недовольный взгляд и пробурчал себе под нос:

– Как только Джон успевает одновременно ловить преступников и ублажать женщину настолько, что ей не хватает времени явиться на работу вовремя! – при этом он не скры-

вал

10

своей благосклонности к любимой секретарше. В ней он ценил трезвый ум, умение толково вести дела. Кроме того, Мона часто, участвуя в каком-нибудь разбирательстве, неожиданно проявляла свое уникальное женское чутье...

– Простите, шеф... – спокойно с достоинством проговорила она.

– Конечно, милая, – сказал он, отрываясь от чтения, – что у тебя?

– Даже неловко вам это рассказывать.

– Ничего, мы люди свои. Что, может, Джон на этот раз подвел? Или ситуация приняла затяжной характер?

Мона признательно улыбнулась.

– Браслет свой не смогла найти.

Гроунд изучающее посмотрел на Мону:

– Ты меня, милая, вдруг сочла за идиота. Что с тобой?

Мона слегка покраснела:

– Да нет. Я правду говорю – и еще a brassiere куда-то делся.

Гроунд неудержимо покотился со смеху.

– Постой, ты, наверное, сегодня не в себе и решила все свести к шутке, да? Хорошо.

Прощаю. Ты же знаешь, я тебе всегда прощаю. И даже не ревную, – заметил он, – не только потому, что Джон мой приятель, нет...

– Да, шеф, черт возьми! Я говорю правду, – перебила она Гроунда.

Но продолжить ей не удалось. Гроунд снова грохнул в неудержимом смехе, обеими руками отмахиваясь от Моны, и старое расшатанное кресло своим скрипом преданно отвечало его резким движениям.

– Ну почему же, верю, милая, – подавив смех, успокоил он Мону, – я понял, что вы с Джоном в этом деле дошли до ручки. Но ничего. Ты не волнуйся. Все придет в норму.

Пусть он только явится! Я ему сделаю вливание за такое отношение к моей любимой секретарше. Я ему!.. Прикажу одну-две недели принимать сельдерей или женьшень, все равно, можно и то, и другое одновременно. Так что, работай без проблем... – добавил он, заметив наплыв слез на глазах у Моны.

– Билли, – овладев собой, сказала она серьезно после маленькой паузы, – странно, но мне кажется все это очень подозрительным. Вы только послушайте. Вчера, когда ложи-

лась

спать, я закрыла входную дверь не только на замок, но и на цепочку. А утром обнаружила, что цепочка отброшена. Такое впечатление, будто ее открыли изнутри и, уходя, не смогли вложить в паз, понимаете? И потом – пропажа...

– Успокойся. Это Джон. Это его штучки. Тут все просто: он не хотел будить свою любимую женщину. Поняла?

Мона задумалась, молча достала из сейфа отчеты, начала печатать.

Конечно, у Джона были ключи, и он, несомненно, мог прийти среди ночи, когда она спала. Но уж точно не смог бы удержаться от соблазна разбудить ее, по меньшей мере, для любовных ласк. Не может быть, чтобы он овладел ею, и она этого не заметила бы. Вот почему Гроунд так смеялся. Не только потому, что часами сидит за бумагами, отчего поневоле будешь смеяться. Да потому, что это действительно смешно! Получается, что

она

как холодная курица, не заметила, когда ее накрыл любимый мужчина. Чушь собачья. Да все было бы так... если бы не дверная цепочка!

*

У дома стояла машина патрульного полицейского. Группу по расследованию убийств Джон не заставил долго ждать. Его встретил молодой полицейский, распахнув перед ним дверь квартиры.

В гостиной при свете еще не успевшего потускнеть завершающего дня он увидел лежащего на полу мужчину средних лет застывшего в судорогах... Мужчина был одет в шелковую пижаму и носки, рядом валялся стул, на котором он, очевидно, сидел за сто-

лом.

Разбитый бокал с пролитой на столе и полу жидкостью подсказывал эту мысль. На ковре

11

обозначилось мокрое пятно. Возле лица потерпевшего, искаженного предсмертными мучениями валялись осколки разбитого бокала. Кисть руки сжимала один из осколков, и глубокий порез на ладони кровоточил, застывая, на отворот пижамы. На столе возле лужицы содержимого бокала лежала скомканная записка: «Дорогая Мона, рассудок не позволял мне по собственной воле уйти в предназначенный мир. Если бы не твоя ищейка, Джон Конрад, которого ты предпочла мне! Теперь я готов выполнить твое желание: я пью приготовленный тобой напиток божественного освобождения. Я оставляю тебя навсегда, как ты и хотела. Не забывай, если сможешь. Твой Клод».

– Что ты будешь делать с этим? – у него за спиной стоял Майкл.

Джон еще как следует не осмыслил происшедшее, прикурил, глянул на дверь, где в этот момент появилась грузная фигура Форста, а за ним его помощники, и не спеша положил записку в карман:

– Еще не знаю. Но ты этого не видел, – сказал он, глубоко затягиваясь сигарой, – все остальное можешь фотографировать, – добавил, отходя в сторону с видом одуряченного человека, не желающего мешать людям заниматься серьезным делом.

Майкл сделал несколько снимков, пока тело потерпевшего еще покоилось на своем роковом месте, вернулся к выходу, кивком головы отозвав Джона.

– Тогда для тебя есть кое-что срочное. Как ты думаешь, кто сообщил об этом самоубийстве?

– Майкл, задавай вопросы полегче, – с досадой отмахнулся Джон.

Его выворачивала наизнанку невероятная информация, лежащая у него в кармане. Все еще не верилось в ее реальность.

– По приезду в издательство мне вручили телефонную запись. Какой-то тип сообщал, что это он убил на Хибискус-роуд своего друга Клода, о чем очень сожалеет. Но сделал он это для блага бедняги, поскольку нет прощенья на небесах самоубийце. И еще. Получа-

сом

раньше осведомитель об этом сообщил в полицию.

– И все? – Джон, похоже, обрел трезвый рассудок и включился в работу.

– А тебе этого мало?

– Признаков шантажа не было? Что тебя с ним связывает?

– Да, был намек. Но очень расплывчатый. Пока не хочу говорить. Поживем, посмотрим.

– И все-таки? – настаивал Джон.

– Не существенное. Он спросил, когда выйдет продолжение моего романа «Уникальное убийство»? Он ему очень понравился. Странные любезности, но это приятно.

– Я бы сказал, ехидные, с намеком.

– С каким намеком?

– Твоим.

– Не возражаю. Но если друзья меня не читают, то пусть хоть враги оценят по достоинству. Что собираешься делать с запиской? На экспертизу?

– Воспользуюсь твоим советом: поживем, посмотрим. Я в управление. Держи меня в курсе, не затягивай.

– Да, Джон. До следующего раза.

Джон обернулся к работающим парням:

– Как там наука? Я жду результатов. Не забудьте напиток, в общем, сделайте все, что нужно. Чего не нужно, оставьте мне. Успеха вам, – на прощанье он приветственно поднял руку трем озабоченным работникам, развернувшим свои саквояжи с пробирками и кулечками, – Форст, может быть, я буду у себя. Мне нужно досье потерпевшего.

– Хорошо, сэр. Сразу же, как только, – произнес он, как всегда, свою привычную

туманную фразу.

Не судите, Да не судимы будете

12

Все время, пока Джон ехал в управление, его не покидала навязчивая мысль о том, какая существовала связь между потерпевшим и Моной. И вообще, существовала ли? Попахивало это подвохом, затяжкой в сложную игру. Кроме того, мерцала слабая мысль о ее фантастическом существовании. А если была, то какая? И он ее не подгонял. Он четко знал, что рассудок не терпит насилия. Напряжение его приводит только к тупику, к полному идиотскому отупению. В общем, с этим источником дознания нужно обращаться

ласково.

Джону не хватало информации. Например, действительно ли этот Клод – сосед родителей Моны, живущих в особняке на побережье? По просьбе родителей Моны Джон приходил к нему однажды за какой-то кухонной вещью, которую тот брал на короткое время.

Пересекая Линкольн-авеню, ведущую к океану, Джон невольно притормозил при мысли, не заехать ли к старикам Моны и что-нибудь от них узнать. Но более сильное желание встретиться с Моной преодолело попытку и только ускорило бег автомобиля. Он даже включил полицейский маячок, хотя в этом никакой надобности не было.

*

Когда Джон переступил порог управления, заканчивался рабочий день. Моны на работе уже не было.

– Приходи завтра, Джон, если ночного randevu с Моной тебе не хватило, – при этом Гроунд, откинувшись на спинку беспокойного кресла, отвязано покатывался со смеху. Джон обвел шефа подозрительным взглядом, пытаясь оценить его веселое настроение, и с чем оно было связано, но Гроунд предупредительно его успокоил:

– Да ладно, Джон. Не бери в голову. Это я просто так, дружески, – он взял с коробки сигару, покрутил ее в пальцах, задумчиво вложил в рот, чтобы просто она там перекатывалась из угла в угол, – но в следующий раз не подводи Мону таким образом. Выбери что-нибудь другое, менее интимное, – он хохотнул еще пару раз и, отбросив фамильярную улыбку, сказал серьезно:

– Так что там?

– Кто сообщил о самоубийстве? – спросил Джон.

– Убийство.

– Так кто?

– Убийца, – монотонно ответил Гроунд.

– Не понял, – раздраженно бросил Джон.

– Убийца сообщил, – спокойно повторил Гроунд, прикуривая.

– Сообщил тебе по очень большому знакомству? – с издевкой бросил Джон.

– Себя назвать постеснялся. Интеллектуально воспитанный. Сказал, что у него с жертвой договорные обязательства по ее убийству. Пообещал дальнейшие свои действия согласовывать с ходом твоего расследования. Говорит, что ты, как соучастник в этом деле,

можешь его нанять в качестве консультанта. Я, понятно, оценил его юмор, хотя не ясно, какая у тебя с ним связь? В общем, я тебе на этот раз не завидую. Но выясни, как полагается, и все в отчет, о`кей? Запись его интервью в отделе расследований. Пойди, послушай, если хочешь.

– Выясню... как полагается, – мрачно промолвил Джон и пошел к машине.

По пути на Вестфлагнер-стрит с досадой повторял брошенные шефом слова – «менее

интимное» – и невольно задумался над их смыслом. А вообще, вся эта история за короткое

время приобрела вид scrambled eggs, где требовалось отыскать цельный желток.

Он вынул радиотелефон, набрал номер.

– Форст? Это Джон. Что там у тебя?

– Это действительно сам Клод. К нему, где он жил... Кстати, жил один. Родители сейчас коротают старость в городке Сандуски штата Огайо. Я выслал человека на побережье к нему в коттедж. Ничего, откроет, зайдет, разберется.

13

– Хорошо. Ты сказал, чтобы он проверил предметы, недавно оказавшиеся у Клода?

– Сказал.

– Форст, меня ты сможешь достать без проблем. Я буду у Моны.

– Все понял, сэр, – в голосе прозвучали едва уловимые нотки иронии.

– Да нет, – хмыкнул Джон, – это не то, что ты подумал. У меня к ней вопросы, связанные с этим делом.

– Ну да. Я так сразу и понял. А вы что подумали, сэр?

– То, что и ты. Позвонишь мне.

– Обязательно. Сразу же, после того, как...

Машину Джон припарковал на привычном месте и добродушный бородатый охранник издали приветливо махнул ему рукой, давая понять, что о машине он позаботится.

Мона была дома. Она поспешила ему навстречу, едва услышав звуки открывающейся двери, его шаги. По ее лицу Джон сразу же заметил что-то неладное. Он обнял ее,

поцеловал, ощутив природный запах любимой женщины. Осторожно охватил ладонями

ее

лицо, посмотрел в глаза:

– Что произошло, Мона?

– Джон, ты был у меня ночью? Ты пошутил, скажи правду? Видно, я спала так крепко, что не видела тебя.

– С чего ты взяла? Вчера я действительно не смог приехать к тебе. После работы Тройд удержал меня с бутылкой коньяка.

– И девочками, – добавила она отрешенно, но шутка не получилась. В ее голосе невольно прозвучали нотки сожаленья.

– Нет. Он попросил меня, помянуть с ним какого-то его друга.

– Это тот, что вице-президент какой-то научной компании?

– Да, Тройд. Ты его видела один раз по телевизору. Выступал на конференции достижений в области биоэнергетики... Так, что у тебя случилось?

Мона внимательно посмотрела на Джона.

– Я ничего не понимаю. Дверь была закрыта, – начала она ставшую ей привычную фразу, – не только на замок, но и на цепочку. Я попыталась своей не очень мускулистой рукой набросить снаружи цепочку, и у меня не получилось.

– Что у тебя не получилось?

– Вот это, – кивнула она на дверь, – а когда утром хотела взять свой бюстгальтер и браслет, твой подарок, то их на столике не оказалось. Ну что скажешь?

– Во-первых, не обязательно об этом сообщать шефу. И потом, если ты не смогла открыть, то почему другие не смогут?

– Ну, правильно. Я так и думала, что это ты, – с облегчением вздохнула Мона.

– Нет, не я, – монотонно произнес Джон, копируя Гроунда.

– Не ты? – растерялась Мона.

– Не я.

Мона побледнела.

– Что это, Джон?

– Еще не знаю, – спокойно ответил он, проведя ладонью в воздухе, – поживем, посмотрим, как сказал Майкл.

– Что значит «поживем»? Пока поживем, – возмутилась она, глядя на Джона так, словно увидела его впервые.

Джон улыбнулся оправдательной улыбкой, привлек Мону к себе, обнял, поцеловал, сказал тихо:

– Успокойся, любимая. Я разберусь. Приготовь что-нибудь повеселей для желудка. Я устал.

– Да, Джон. Я сейчас. Я полностью выпала из-за этого... Сейчас, дорогой...

Мона поспешно ушла на кухню, и Джон облегченно плюхнулся в кресло. Наконец, он расслабится и спокойно все обдумает.

14

Вначале обхватил ладонями голову. Крепко стиснул виски. Почувствовал облегчение. Резко отпустил. Снова сжал, отпустил... После нескольких таких упражнений ощутил прилив сил.

Мысль пришла сама по себе. Спокойная и независимая. Ночью исчезли бюстгальтер Моны и часы-браслет. Может быть еще что-нибудь, чего ни он, ни Мона еще не знают. Моне он верил, как самому себе. Был уверен – она ничего от него не утаивала. И не только потому, что скрыть что-либо не в ее интересах. Мона чиста и открыта, как ребенок, который не способен скрыть свои первые впечатления. Она просто наивна. И это ее качество он свято берег у себя в душе.

Джон знал по опыту, что пропажа, которую могут обнаружить быстро, просто так не исчезает. А значит, исчезает с умыслом. С дальновидностью. Еще хорошо, что эти вещи исчезли, и ничего не прибавилось, что гораздо опаснее. Хотя – кто знает! Возможно, все только начинается. Поживем, посмотрим, как сказал Майкл.

В воздухе появился аппетитный запах яичницы. Не яичницы-болтуни, а fried eggs, его любимой яичницы-глазуни с зеленым луком, где не придется отыскивать цельный желток. Джон потянул воздух и ощутил сосущее перекачивание в желудке. Все-таки,

какой

божественный уют создает любимая женщина! Она – это все: твое душевное равновесие, тепло в доме, секс – хоть всю ночь! На Моне просто, просто грех не жениться.

Джон поднялся и не спеша начал рассматривать знакомые предметы и обстановку – книжный шкаф, в нем выстроенные в привычной последовательности книги по жанрам, широкий платяной шкаф, где аккуратно висели ее легкие и шикарные наряды в осмысленном порядке, как и книги, туалетный уголок, заставленный косметикой и парфюмерией – флаконами, баночками, всякими милыми вещичками. Разве можно

одним

взглядом разобраться, что здесь исчезло, а что появилось?

Джон подошел к широким на всю стену окнам, двери на балкон, потрогал ручку-запор. Дверь была закрыта. Она открывалась только изнутри, и посторонний не мог воспользоваться запором со стороны балкона. Он с удовлетворением кому-то покивал головой. Подоконник и рамы были гладки и чисты. Сравнительно недавно Мона сделала ремонт квартиры. Джон подошел к входной двери, набросил цепочку, оттянул к себе отпертую дверь. Образовавшаяся щель оказалась едва достаточной только для того,

чтобы

рассмотреть в узкой, щели пространство и часть того, кто находился в нем, и то – значительно выше натянутой цепочки. Такая установка и конструкция цепочки лишает

взломщика возможности снять ее неповрежденной даже при помощи специального приспособления. Джон покачал головой.

– Джон, сколько мне тебя звать? Чем ты там занят? Спишь?

– Иду, милая! – Джон недоуменно пожал плечами, показав кому-то раскрытые ладони, будто бы для достоверности, что в них ничего не было.

За столом, Мона молча смотрела, как Джон ел. Ей всегда нравилось смотреть, как Джон с аппетитом поглощал все, что ни приготавливала она. И по тому, как он ел, догадывалась,

что больше всего ему понравилось.

Сегодня ей было неуютно. Чувство защищенности и уверенности вдруг покинули ее. Показалось, что она одинока среди людей и не нужна никому. Она понимала, что это неправда, она нужна Джону, как и он ей. Когда она говорила ему о замужестве, он отвечал лаской, терпеливо выслушивал доводы любящей женщины, ссылаясь на возраст застарелого холостяка, двадцать лет назад потерявшего жену в автокатастрофе, не желающего портить судьбу ей, молодой девушке, достойной лучшего в жизни, чем может предложить он. Но как же он поступает! Ведь он ее любит и что же? Не боится ее потерять? Так разве бывает?

– Выкинь из головы, дорогая. Я не дам тебя тронуть никому, запомни. Ты в этом сомневаешься? Выкинь немедленно, – окрепшим голосом сказал он, перестал жевать и внимательно посмотрел ей в глаза.

15

– Я знаю, Джон. Но ты мне не муж, правда? У тебя отсутствует чувство личной защищенности. Я же должна быть законной твоей собственностью, которую нужно оберегать.

– А так что, не нужно?

– А так – не нужно.

– Ерунда! С каких это пор ты стала сдавать на пессимизм? Ты же у нас в одной команде, забыла? Вспомни, как в прошлом году ты помогла распутать дело Тома-наркомана. А сейчас мне все это говоришь!

– Ты тоже молчишь. Я знаю, у тебя для меня есть что сказать.

– Верно. От тебя не скроешь, – он достал из кармана в целлофановом пакете посмертное письмо Клода, протянул его Моне, придержал в пальцах, – о нем, кроме меня и Майкла, никто не знает. Теперь и ты... Прочитай и включись в работу. Подумай, что это может быть. Отбрось свои эмоции и подумай.

Мона сквозь целлофан расправила записку, пробежала по строчкам. В первую минуту Джон увидел на ее лице растерянность, но затем, собравшись, она осторожно вымолвила:

– Я его знаю, Джон. Он мой сосед. Верней, сосед моих родителей. И ты с ним встречался один раз. Ты просто забыл. Но это все какое-то собачье дерьмо. Словно не обо мне речь. А ты что подумал? Неужели поверил хоть единому здесь слову?

– Да нет, – с досадой отмахнулся он, – в том-то и проблема, что нет! Непонятно, для кого это написано? Его же отравили.

– Отравился.

– Нет, отравили. Убийца позвонил Майклу и к нам в управление.

– Почему Майклу?

– Этого даже сам Майкл не знает.

В то время, когда аппетит Джона достиг наивысшей точки и инспектор принялся потягивать черный кофе с бренди, просигналил радиотелефон. В трубке он услышал голос

Форста:

– Сэр, мы закончили. Есть то, что вас интересовало. В разбросанной постели Клода нашли женские вещи.

Джон внимательно посмотрел на Мону.

– Бюстгальтер и часы-браслет, – уточнил Джон.

– Сэр... у вас что, появилась способность ясновидца?

– Отправь на экспертизу, – хмуро сказал Джон, – а сейчас жду тебя сюда на Вестфлагнер-стрит. Тут есть небольшая работа.

Упершись локтями о стол и обхватив ладонями голову, Мона неподвижно смотрела в пустую тарелку Джона. Чувство унижения и стыда еще минуту держало в оцепенении, но затем, Мона закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Джон встал, закурил, провел рукой по ее плечу и ушел в гостиную. Привалившись на спинку кресла, он погрузился в раздумья. Почему именно Майклу позвонил убийца? Значит, в игру зачислен не только он, Джон и Мона, но и Майкл. Напрашивается простой вопрос, о котором знать мог или не мог убийца – что связывает Майкла с ситуацией?

Можно проследить все внешние его связи с участниками событий и нынешние обстоятельства, связанные с ними. Трудность в том, что та или иная информация уводит мысль в бездонное прошлое. Так можно докопаться до прадедов Майкла, если войти во вкус. Видно, нужно начать с уже известного ближайшего прошедшего. Например, вспомнить последнюю встречу с Майклом на месте убийства, затем – за коньяком в баре – весь в подробностях разговор до сообщения по телефону об убийстве. Шла речь о романе «Уникальное убийство», который Майкл предлагал прочитать. Он говорил о России, о своих родственниках, о племяннике, о книге. Что из этого суть важного? Книгу читал. Можно в памяти восстановить сюжет – о русской или коммунистической мафии. Что толку? В политике этих советских шизофреников он так же разбирался, как Тутанхамон в компьютерах или в презервативах с усиками. «Уникальное убийство» не читал. Журнал, 16

где напечатан этот роман, есть, наверное, у Моны. Она его получает в управлении, читают его там все, кому ни лень, потом Мона забирает журнал домой, пока он не затеряется у подруг.

Джон, не раздумывая, подошел к книжному шкафу, пробежал глазами по полкам, отыскал стопку журналов.

– Мона, мне нужен журнал, где напечатан роман Майкла.

– Тебе нужен Мау, – Мона разбито подошла к шкафу, – разве ты его не читал?

– Майкл сказал, что мне необходимо его прочитать. Будто это поможет расследованию, – с досадной усмешкой заметил Джон.

– Если нет времени, можешь не читать. Я тебе расскажу. Это что-то похожее на... О, Боже! Джон! Это похоже на случай с Клодом, – Мона испуганно посмотрела на Джона, – так в этом сюжете и я! Джон, что происходит? – вскрикнула она.

– Я так и думал, – раздраженно сказал Джон, – потому и попросил журнал.

– Вот он, Джон. Я его нашла, успокойся.

– Успокаиваться нужно тебе.

– Но может это просто совпадение, как и все стандартные случаи, они похожи? А мы с тобой взвинченные, с фантазией.

– Ошибаешься, милая. «Стандартные» не могут называться «Уникальным убийством». Только этот Майкл паразит! Если какой-то маньяк клюнул на его сюжет. И я ему, пара-

зиту,

скажу об этом. А впрочем, он и сам уже, наверное, пожалел, что написал такое... Пойди, открой, это Форст, – добавил он, услышав звонок у входной двери.

Форст переступил порог и, переминаясь с ноги на ногу, остановился, посмотрел на

Джона.

– Да, хорошо. Я вижу, что ты явился, – сказал Джон, внимательно рассматривая Форста, – займись отпечатками на подоконнике здесь с внутренней стороны и там – на двери и окнах со стороны балкона. Объясни, если у тебя хватит фантазии, каким образом похититель мог сюда забраться?

Форст медленно вытащил из саквояжа пропавшие вещи Моны. Бюстгальтер он аккуратно двумя пальцами подержал навесу перед Моной. Она выдержала паузу и упавшим голосом сказала:

– Да, это мой. И браслет.

– Знаем, – мрачно сказал Джон, – забирай, Форст, как улики. Непонятно только какие. А мы с Моной пойдем, уединимся, составим официальный опрос ее персоны, как лица, имеющего к убийству косвенное отношение. Самое главное – твоя связь с Клодом, Мона. Подробно, давай.

– Пиши, – Мона устало откинулась на спинку софы, – последний раз Клода я видела на его участке под вечер три дня назад. Я была у родителей и видела, как он стоял с лопатой в руках, а рядом с ним какой-то мужчина, лет так сорока, похожий на того вице-президента,

которого я видела по телевизору. Он высокий, светловолосый с короткой стрижкой, худощав, – Мона говорила, закрыв глаза, медленно припоминая и произнося слова так,

как

она это делала на работе, уточняя фразы на запротоколированных документах. – Мы обменялись взглядами, и мне показалось, что он на меня смотрел как-то заинтересованно.

Клод к родителям никогда не заходил. Встречались случайно на улице, обычные контакты

на свежем воздухе.

– Это все?

– Наверное. Давай твою рукопись, – полушутя произнесла Мона.

Она взяла исписанный листок у Джона, подложила журнал и расписалась.

– Вот насчет моих вещей ты изложил правильно, – заметила она с издевкой, просматривая последние строчки.

– Что ты говоришь! Просто удивительно, как это у меня получилось, – с напускной восторженностью отметил Джон, – только протокол подписывают после, а не до того, как с ним ознакомились.

17

– Удивительно, – подражая ему, сказала Мона, – а я думала, ты его прочитал.

Джон посмотрел на Мону, минуту осмысливая ее слова. Но, заметив покрасневшие ее глаза, потянулся к ней, чтобы успокоить. Она отвернулась к окну, стараясь подавить в себе

обиду.

– Ты же знаешь, милая, это обычная формальная процедура, – оправдывался Джон. – Подпиши еще здесь, – он подsunул канцелярский бланк о невыезде из Miami до специального на это разрешения.

Мона молча подписала.

– Для приличия ты хотя бы его заполнил...

Джон поцеловал ее в висок:

– Дорогая, ты же знаешь: так должно быть в подобных случаях. Не волнуйся, на твою карьеру секретаря шефа полиции Miami это не повлияет. Что касается меня – другое дело.

Я уже нарушил, еще не нарушая.

– Джон, – с огорчением проговорила Мона, – ты ничего не понял. Мне наплевать на карьеру. И на свою свободу наплевать. Она слишком затянулась.

Джон посмотрел в сторону, скрыв признательную улыбку, помолчал, положил руку на ее колено, ласково провел ладонью.

– Как попали по твоим предположениям эти вещи к Клоду? Ты мне ничего не говоришь, даже твоих самых тонких мыслей!

– Подумаю.

– Подумай. И ничего не бойся. Я еще пока жив, милая.

– Я знаю, – она взвизгнула и порывисто обняла Джона. – Я знаю. Ты мне веришь, дорогой. Я люблю тебя. Я всегда верна тебе, Джон!

Тень реальности

Шеф полиции Мiami, Билли Гроунд уже два часа подряд сидел у себя в кабинете, разбираясь в отчетах, от усталости чувствовал притупление рассудка и острое желание смахнуть все разом со стола. Когда у распахнутой двери появился Джон Конрад, он с обманчивой радостью ощутил облегчение, подумал, что это ему подвалил вынужденный отдых, откинулся на спинку кресла и, облегченно прикрыв глаза, сунул в рот сигару.

– Пристрой свою задницу, Джон, и рассказывай. С управляющим дома говорил?

– Нет. Успею. Вначале обсудим вместе.

– Я думаю, несущественно. Только для формальности. С самоубийцами у нас разговор простой.

– Нет, Билли. Придется повозиться, – Джон проследил за передвижением сигары из угла в угол во рту у шефа, – убийца существует.

– С каких это пор ты стал верить анонимным звонкам психов? Какой-то шизофреник решил поразвлечься с тобой, прочитал в прессе экстренную заметку твоего друга Майкла о том, что знаменитый сыщик, Джон Конрад гениально напал на след самоубийцы.

– Не в психе дело. Он не простой псих. Мне кажется, он очень умный и неординарный псих. Тебе известно, что вещи Моны оказались в доме у Клода?

Услышав последнее, Гроунд сдержанно заулыбался, но тут же подавил невольную улыбку.

Джон покраснел от злости, однако ограничился простым объяснением:

– Билли, если когда-нибудь ранним утром или поздним вечером тебе придется уходить от любовницы, то не забудь надеть трусы, о кей?

– Что ты имеешь в виду? – растерянно спросил Билли.

– А то, что любовницы тоже не берут с собой запасное нательное, если идут к любовнику. Это раз. Второе – почему Клод покончил не у себя дома, а снял квартиру на манер интимных уик-эндс? Где логика?

18

– Хорошо. Так чего ты от меня хочешь? У тебя есть все улики, побуждающие расследование? Так вот, это раз. Теперь второе: в том случае, как сейчас есть, Моне улыбается служебное. Что же касается тебя... – Гроунд посмотрел на бумажки, разбросанные у себя на столе, перекатил сигару из одного угла рта в другой, развел руками, – ну... сам понимаешь, – он взял несколько бумажек двумя пальцами и опустил

их

на стол. – Как доложил твой главный убийца по телефону, ты, выходит, вольный или невольный соучастник событий. Значит, придется разбираться, чего бы не хотелось. Он выдержал паузу и добавил:

– И еще одна версия не в твою пользу – обычно самоубийцы оставляют возле себя посмертные послания. Так ведь? Но твой самоубийца неосознательный – он молчит.

Гроунд испытующе посмотрел на Джона.

– Мертвецы все молчат, – скромно заметил Джон.

Гроунд развел руками:

– Вот и придется сочетать приятное с полезным. Тебя это устраивает?

– Может быть, – задумчиво проговорил Джон, прислушиваясь в наступившей паузе к шороху машинки Моны в приемной, – может быть. Поживем, посмотрим, – сказал он и пошел к выходу.

– Да. Только не рассчитывай на долгую жизнь, Джон. Пойми, дружище, это не от меня зависит. Надо мной стоят сильнее, как ты догадываешься. В общем, тебя ограничивает установочный срок расследования. Поэтому не очень затягивай. Скоро на тебя буду

давить

не по-дружески.

– Да. Сэр.

– Да, сэр! Куда ты денешься? От себя не уйдешь. Да знаю я тебя, ты бык упрямый!..

Хорошо, действуй. Выгораживай свою Мону. А то мне тут приходится ее депрессию разбавлять анекдотами.

Джон ушел не такой оптимистичный, каким себе казался несколько минут назад.

Ситуация складывалась, мягко говоря, не беспечная.

Тихо подойдя сзади к Моне, он обнял ее, поцеловал возле уха. Она замерла, оставив в покое пишущую машинку.

– У тебя все в порядке, как шеф? – спросила она.

– Сегодня дома поговорим. Все обсудим, о`кей?

– Да, Джон!..

– Тогда до встречи.

Он ушел быстро и тут же мысленно включился в работу. Для использования информации, какая была в наличии, не хватало двух моментов – нужно взять результаты экспертизы всего, что собрал Форст и заодно прослушать запись анонимного убийцы. Затем можно поехать на Хибискус-роуд к управляющему. А в промежутках продолжить раскрутку от настоящего к прошлому.

В отделе расследований Форст сообщил, что в бокале пострадавшего нашли остатки коньяка с цианистым калием, отпечатки пальцев только Клода, на теле потерпевшего никаких признаков насилия, никаких свежих следов на предметах. Посторонних вещей, кроме тех, которыми пользовался пострадавший, не оказалось. У Моны на Вестфлагнер-стрит никаких, кроме принадлежащих ей отпечатков, не найдено, но экспертиза разобранный замок и тщательное обследование его сугалей показали следы царапин, оставленных профессиональной отмычкой. Что же касается дома Клода, там зафиксированы отпечатки пальцев не только хозяина, но чьи-то еще трехдневной давности, посетившего этот дом. О найденных вещах Моны не было сказано ни слова. Теперь, когда машина не спеша движется в направлении Хибискус-роуд, не мешает вернуться к прерванным рассуждениям. Выходит, добавляется еще один игрок-субъект.

В

картотеке его отпечатков не было, значит, по криминальным делам не проходил. Это значительно затормозит поиски. Тогда придется познакомиться с кругом общения тех мест,

где побывал Клод. Он, как известно, работал в Фан-клубе.

19

На этом пока что и остановился Джон.

*

Длинное современное, занимающее почти полквартиры здание находилось недалеко от Бухты и Пятидесятой улицы. Управляющий размещался на первом этаже.

Джон вошел в вестибюль, возле таблички «Управляющий» нажал кнопку и, услышав щелчок, открыл дверь. В конце коридора была еще одна дверь, на стене прикреплена еще одна табличка с такой же надписью. Войдя в маленькую прихожую, Джон увидел низенькую девушку-секретаря за машинкой, сбоку от нее – дверь к начальнику. Девушка подняла глаза, спросила «к управляющему?» и, не ожидая ответа, сказала:

– Заходите. Он всегда свободен.

В комнате стоял письменный стол, несколько стульев и книжный шкаф. Было солнечно. Широкие, почти на всю стену зашторенные жалюзи, окна обращены на юг. Где-то наверху тихо шумел кондиционер. За столом во вращающемся кресле сидел немолодой полный низкого роста мужчина. При неожиданном появлении Джона он, зевая, замер с открытым ртом и посмотрел на входящего. В следующее мгновение он опомнился, подавил зевок и, улыбаясь, учтиво спросил:

– Чем могу помочь, мистер... О, господин инспектор!

– Вы мистер Бейлис? – оборвал его Джон.

– Верно.

– У меня к вам несложные вопросы.

– Да, я знаю. Вы, конечно, в связи с этим... самоубийством? Ужасный случай! Просто никак не могу прийти в себя. Я к этому отношусь очень щепетильно. Я даже на похоронах не могу присутствовать или слышать скорбящие звуки похоронных церемоний.

Понимаете?

– Несомненно. Но на мои вопросы вы сможете ответить?

– О, да!

– Так вот, меня интересует точная дата оформления заказчиком-нанимателем этой квартиры. На чье имя она оформлена?

– Как же, как же, сейчас, вот тут у меня... Все аккуратно записано, как полагается, – он подошел к шкафу, взял с полки папку, быстро пролистал страницы, – вот! Главное лицо – Клод и с ним была женщина.

– Вспомните, как он ее называл, – скрывая волнение, попросил Джон.

– А и вспоминать-то нечего. Я прекрасно помню. Он ее называл Моной. Имя вполне запоминающееся.

При упоминании имени близкого ему человека Джон дрогнул и секунду молча смотрел на управляющего. Создавалось впечатление, словно он пропустил последнее слово мимо ушей и из деликатности старался самостоятельно воспроизвести его в памяти.

Бейлис настороженно посмотрел на Джона.

– Господин инспектор, вы не сомневайтесь, я говорю правду.

– Мона?

– Да, мистер Конрад. Мона. Фамилии не знаю.

– А внешность вам запомнилась?

– О, да! Это молодая леди, немного ниже вашего роста. Беленькая, очень женственна, круглолица, милая, я бы, несомненно, сказал – красавица. Понимаете меня? Не запом-

нить

такую женщину. . просто невозможно.

– Одетая? – сухо прервал Джон.

– А это... сейчас, – он наморщил лоб, указательным пальцем показал на Джона, – одета в повседневную одежду, как будто с работы – темная легкая куртка, кажется, коричневая...

– Брюки бархатисто-черные, – добавил Джон мрачно.

– Верно. Вы ее знаете?

– Может быть. Так, дальше. Когда это было?

20

– Да. Дня четыре назад. Вот тут у меня записано. Число, месяц, – он ткнул пальцем в строчку напротив имени «Клод», – не думал, что все так кончится. Мне показались они такими беззаботно счастливыми и тихими людьми. Такие встречаются редко и проблемы

с

подобными жильцами минимальные.

То, что услышал Джон, было настолько шокирующим, что он сразу же отказался что-либо оценивать и строить какие-нибудь догадки. Он твердо решил не заниматься выяснением отношений Моны к происходящему до тех пор, пока не наберет достаточной информации. И уж, безусловно, не следует задавать себе идиотских вопросов.

Нужно было ехать в Фан-клуб.

Прорицательница

Виктория минуту лежала с открытыми глазами. Еще минуты две собирала и отмечала в своей визуализации только характерное и тонкое, закрепляя его в памяти.

Скоро начнет подниматься солнце. Она всегда чувствует его приближение. Даже в пасмурное утро Виктория просыпалась вовремя, будильником пользовалась редко,

только

для напоминания себе о предстоящем сеансе и определении пунктуальности клиента, что для нее было немаловажно.

Когда с мыслями было закончено, она опустила ноги на пол, встала и придиричиво заскользила взглядом от кончиков пальцев вверх по подъему к щиколотке каждой ноги,

по

голеням. Проверила пальцами их упругость, не отрывая ладоней от загорелой бархатистой

стой

кожи, последовала в промежность, прошупала впадины и ложбинки, прислушиваясь к ощущениям и сравнивая их силу с прошлым. Тщательно обследовала каждый дюйм.

Затем

ее ладони плавно заскользили по тонкой талии к аккуратному пупку, вокруг него по часовой стрелке сделали несколько круговых поглаживаний. Прижимая ладони к ребрам, Виктория обхватила грудь. Несколько таких движений она проделала снизу вверх до сосков, поднимая энергию тела; максимально охватив руками диафрагму каждой груди, сосредоточилась на приливе к ним горячего тока. Потом вдохнула животом и плавно отпустила воздух, все глубже погружалась пальцами обеих рук в сплетение Манипуры-чакры, связанной с элементом Огня, – центром учебы, науки, талантов, чувством зрения, но неизменно ведущей к удовлетворенности собственным миром. Последнее обстоятельство ей было отвратительно. Но с этим приходилось мириться, ибо в совершенстве овладеть Высшей Чакрой можно было только после преодоления той, на которой Виктория остановилась. Да она и не стремилась к Совершенству, этому препятствовала ее работа, дающая ей немалый доход. Кроме того, у Виктории было безупречное тело, впитывающее Прану – энергию Космоса. Своим телом она гордилась. Закончив массажем очистку от вялости и лени, Виктория легким неторопливым шагом направилась в открытую лоджию. Здесь с Востока каждое утро из-за кромки океана поднималось теплое солнце, обнаженное, как и Виктория. Утреннее солнце направляло свои божественные лучи в окна и стеклянную дверь лоджии, постепенно окрашивало в нежный цвет безупречное тело молодой женщины, упруго стоящей на деревянном полу с широко расставленными ногами и руками.

Свежий предутренний воздух внезапно охватил Викторию прохладным объятием.

Всеми обнаженными частями тела она снова ощутила прилив энергии и вдохновения. В этом было ее сумасшедшее наслаждение – испытывать необыкновенную наркотическую силу, теряя себя. Такое чувство могло соперничать только с оргазмом во время редкого сильного секса, какой иногда случался в ее насыщенной жизни. Потом целый день после утреннего впитывания энергии, тело требовало воздуха, не мирилось даже с легкой одеждой, и Виктория щедро удовлетворяла его потребности. Она твердо знала, что без этих условий ей не обойтись.

21

Молодые лучи солнца, проникнув в комнату, коснулись зеленоватой поверхности потолка и в это время, даже если бы утро было пасмурным, Виктории остро захотелось замереть в «Лотосе». На это ушло десять минут. Потом она постояла под душем и, не вытираясь, пошла открывать кому-то позвонившему в дверь. Проходя мимо туалетного столика, ее взгляд произвольно упал на пластмассовый корпус маячка с красной кнопкой, но она поленилась его взять, как на всякий случай должна была сделать.

У порога молча ее рассматривал спокойный Тэд.

Виктория облокотилась на наличник двери и демонстративно ожидала объяснений.

Чтобы не терять драгоценного времени, не сходя с места, она принялась собирать в узел свои мокрые волосы и закреплять их на голове.

– А ты прекрасна...

– Спасибо. Ты пришел, чтобы сказать мне это?

– И это тоже. Может мне можно войти? – он был энергичен, свеж и выглядел, как мальчик, не на свои тридцать, а лет на пять моложе, что почти приравнивало по возрасту его с ней.

– Глупый вопрос. Заходи. Я думала соседка. Что будешь: чай из трав, кофе или...

– «Или», – он взял со столика маячок, подбросил в воздухе, поймал и, приложив палец к кнопке, молча показал Виктории.

– Тэд, не трогай Дороша. Пусть отдыхает.

– Отдыхает? Он что перетрудился? За что я ему отваливаю баки? – тихо, как будто самому себе, заметил он.

Виктория улыбнулась, осторожно взяла его лицо в свои узкие ладони, поцеловала в губы.

– Хорошо, – сказала она, – значит покрепче. Я только что управилась, – и пошла на кухню.

Тэд окинул оценивающим взглядом ее спину, тонкую выразительную талию, ягодицы и бедра, явно «сделанные под циркуль», как сам же когда-то выразился, и сказал с возмущением:

– А если обожжешься? Не боишься?

– Если не подумаешь и не скажешь, ничего этого не будет. Можно мне не одеваться? Тем более что я у себя дома.

– Ради бога! – воскликнул Тэд как-то очень громко, – мне так с тобой общаться даже приятней.

– А ты на многое не рассчитывай. Если по делу – говори.

– О'кей! Но, глядя на тебя, у меня сама по себе может измениться цель визита.

– Ты имеешь в виду эрекцию своего неугомонного пениса? – с нескрываемым откровением спросила Виктория, остановившись у кухонной двери и повернувшись к Тэду.

Тэд нащупал рукой край кресла и, не глядя, хотел, было сесть, хотя явно мимо, но в последний момент выпрямился и откровенно стал рассматривать нагую Викторию, комментируя свои впечатления:

– Скажи, как тебе удается в таком «наряде» столь свободно себя чувствовать под взглядом темпераментного мужчины?

– Ты так говоришь, словно никогда не видел меня в таком «наряде»!

Тэд с досадой шлепнул себя по лбу:

– Ты права. Но такое впечатление, словно в первый раз, – сказал он, подойдя к Виктории почти вплотную, – так же можно быстро кончить! А это не интересно ни тебе, ни мне...

Виктория осталась стоять.

– Я понимаю, Тэд, что тебя потянуло на секс. Но при всем моем к тебе уважении, я не могу сейчас себе этого разрешить. Я только что зарядилась и жду твоих клиентов. Моя энергия мне нужна для дела. И сейчас я расходовать ее не могу. Второе утро для меня

будет только завтра... – сказала она, позволив ему нежно поцеловать грудь. – Тебе придется снова попытаться сесть в кресло и вспомнить, зачем ко мне пришел. Можешь прикинуть заодно, когда ты намерен вместе со мной отдохнуть от работы на берегу. Тэд нерешительно качнул головой, отдавая свое вынужденное согласие трезвым предложениям Виктории, покорно пошел и сел в кресло.

Тэд был холост. Он очень ценил Викторию, милую прорицательницу, хранил ее втайне от высшего своего начальства, которое могло проглотить ее живьем ради цели, какой занималось. Он любил ее, она его нет, что для обоих не было секретом.

Пять лет назад он столкнулся с Викторией на своей работе. В приемной Гарди, начальника следственного отдела, она просила дать ей какую-нибудь работу. Естественно,

Гарди отказал. Да еще с усмешкой. Откуда знать молоденькой девушке, куда она обратилась! Тогда Виктория стеснительно сообщила ему, что осталась сиротой и ей нечего

есть. Ее родители летели вечерним самолетом домой, тем... ну который, мистер знает... весь город знает... который разбился вчера и сгорел на посадочной полосе... Тэд подошел сзади к Виктории, осторожно положил руку на ее великолепную талию и отвел в сторону. Виктория все же успела рассмотреть своего насмешника Гарди, показать пальцем на

плохо

проглаженный ворот его рубашки и тихо серьезно заметить:

– Мистер, вам нужно срочно поехать домой. Прямо сейчас.

Гарди взбеленился, хотел, было высказаться, принял ее замечание за издевку – дескать, он не умеет обращаться с утюгом в отсутствие жены. А вышло другое. Оказывается, он оставил утюг включенным, и если бы не был таким тупым и самоуверенным, послушался будущей прорицательницы или выяснил, что она имела в виду, то квартира бы не сгорела. Никто этого не понял тогда, кроме Тэда. А Тэд промолчал. И сделал выводы. Он отвез девушку в опустевшую ее квартиру, своим платком вытер ей слезы, сказал, что завтра придет и ей не нужно ни о чем беспокоиться, поцеловал в мокрые губы, оставил на столе деньги и ушел.

Виктория не любила Тэда, хотя, что это такое – любовь? Совершенно не понятно. Да любила ли она кого-нибудь! Сейчас ей было двадцать пять, ему – тридцать. А тогда... Он ей только нравился, замечательный друг, каких не часто встретишь, помогал ей деньгами, а они у него водились всегда. Он говорил, что работает на какой-то государственной службе, может быть в Федеральном Бюро по Расследованию особо опасных преступлений или что-то вроде этого. Отдавалась она ему страстно, но редко: он всегда был занят каким-

нибудь очень срочным делом. Иногда присылал дорогого клиента по своей работе, оплата

которого могла прокормить ее целый год и обеспечить затраты на одежду и украшения. Кроме того, ей не приходилось бояться рэкетигов: Тэд хорошо платил телохранителю, следящему за ее домом и за каждым ее шагом. Впрочем, она почти никуда не выходила из дому, и Дорош мог в любое время ожидать сигнала ее маячка, спокойно ходить с радиотелефоном в супермаркет и наблюдать за ней с окон своей квартиры, когда она «заряжалась» по утрам в лоджии. В этом пока что и складывалась вся его работа телохранителя.

Практически Виктория феноменально помогала Тэду справляться с заданиями, почти невыполнимыми простым смертным. Вначале это страшно удивляло коллег по работе, раздражало и даже настораживало Гарди. Все неофициальные попытки узнать у Тэда источник его невысказанного уникального осведомителя, проходили тщетно. Рискуя своим положением, Тэд, в конце концов, откровенно поставил условие – либо так, либо никак, объяснив при этом, что личной жизнью он обязан своему безымянному помощнику и должен сохранять его спокойствие для дела. Насчет личной жизни он конечно приврал. Слишком ценны были те услуги, которые Виктория приносила Фирме. После этого заявления Виктория была негласно «зачислена на должность тайного агента со штатным финансированием под кодовым знаком Т-2». Понятно, имелось в виду его имя «Тэд» с учетом порядкового числа.

23

Он, безусловно, пришел к Виктории по делу. Он был уверен – приблизительно она уже знала, о чем пойдет речь. Ей достаточно было увидеть его и обмолвиться с ним каким-нибудь словом. По этой причине общаться с ней было очень легко и приятно. Не приходилось дотошно объяснять тактику, достаточно осветить цель и причину.

Наконец, Виктория появилась в дверях кухни, неся перед собой маленький поднос. Тэд смотрел на подрагивающую упругую грудь, не нуждающуюся в поддержке какого-либо бюстгалтера, любой из них выглядел бы недостойной ее тела деталью, несчастной тряпкой, да она его и не носила. Тэд подумал о том, что все это сейчас некстати и, усмехаясь добродушной усмешкой, машинально взял из рук Виктории поднос. Стояли стаканчик «Или» чего-то крепкого белого, глиняная чашечка парующего кофе и на расписном сервизном блюде лежало два бутерброда с ветчиной. Виктория опустила на расписную с вышитыми буддистскими знаками циновку, уютно устроилась в позе

«Лотос»

напротив Тэда.

– Ты права, дорогая. О деле. Я приведу тебе очень ценного клиента. Оплата высокая. Отнесись к нему особо.

– Ты вчера с ним встречался?

– Да.

– Но он иностранец, не так ли? Чем он расплачивается?

– Он из России. Все будет зависеть от результатов нашей с тобой работы.

– Тэд, я не о деньгах. Мне просто интересно с ним поговорить.

– Я знаю. Тебе нужно заглянуть поглубже, чем обычно. Может быть, не в одну и не в две встречи. Меня интересует его истинная цель приезда и что будет потом.

– Когда вы придете?

– Завтра.

– Мне переставить клиента?

– Придется. А кто у тебя сейчас?

– Твой Томас. Сегодня последняя встреча. Завтра ты можешь его забрать.

– Не спеши. Как он тебе понравился?

– С ним все нормально. Теперь смотри сюда...

Виктория пристально посмотрела в глаза Тэду. Не моргая, он остановил свой взгляд на ее переносице. Хотя очень хотелось, не торопясь, опуститься ниже на кончик ее носа, поцеловать его, затем сделать то же самое с ее страстными губами и ртом, скользнуть по подбородку, гладкой шее, войти между двух лишающих рассудка упругих бархатистых прелестей, затем ниже и ниже... о, Господи! Тэд ощутил наготу своих желаний и еще каких-то непонятных чувств, приятный холодок, будто его грудь распахнули в знойный день и подставили дуновению свежего воздуха. В памяти невольно возникла встреча на вокзале аэропорта с Евгением из России...

*

Рано утром Евгений звонил с аэропорта прямо ему домой. Сказал, что будет ждать Тэда возле касс до упора, что у него есть выгодное «дело», в первую очередь для него, для надежного друга. Точнее сказать, от родственной структуры в СССР его Фирме он привез хорошо оплачиваемую работу.

В кассовом зале Тэд узнал Евгения сразу, издали, по фигуре, по манерам, характерным только одному субъекту и еще черт знает по каким признакам, неведомым любому маломальски натасканному сыщику. Он стоял недалеко от окошка кассы, высокий и плотно сбитый, с острым пронизательным взглядом широко расставленных глаз, торчащих из-

под

мятой кепки, похожей на ту, что видел в Москве на плакатах с изображением вождя пролетариата с поднятой рукой. Правда, рукой, в отличие от вождя, Евгений держался за металлический косяк кассового помещения у себя над головой. Да, это был он, Евгений, у него такая привычка держаться за что-нибудь у себя над головой.

24

Тэд вспомнил московский транспорт – в короткие дни командировок запомнилось самое простое, что осело в памяти – массовый всплеск рук пассажиров, держащихся за полированную металлическую трубу над головами, как молчаливый единый человек, едущий куда-то в неведении, в виде бесчисленных теней, уходящих и растворяющихся в тумане пыльного вагона. Глядя на Евгения издали и, вспомнив пассажиров, Тэд подумал

о

друге смешное – не один ли он из них, отщепенец клана, случайно выпавший из советского трамвая на дорогу?

Они обнялись, хлопнув друг друга по предплечью, словно проверив себя на былую прочность, для вежливости спросив друг у друга о здоровье и успехах, пошли, не сговариваясь в привокзальный ресторанчик. Естественно, Тэд хотел угостить своего

друга,

но тот категорически инициативу взял на себя. Тогда Тэд удивился:

– Неужели советский человек стал капиталистом?

Евгений скромно пожал плечами:

– Ну... бывают же исключения.

– Это интересно, – не поняв, все же заметил Тэд.

Евгений усмехнулся, но резко погасил усмешку и поднял свою рюмку:

– Давно мы не виделись, Тэд!

– Год назад. А ты неплохо владеешь языком.

– Приходится по службе постоянно на английском...

– Конференция?

– Как всегда. Но самое главное... Впрочем, давай вначале за очередную встречу.

Они выпили. Тэд немного рассказал о работе, о самом житейском, на вопрос Евгения ответил, что пока холост и вряд ли женится, поскольку Виктория, которую безумно

любит,

едва ли вторая существует для него в природе.

– Ничего, старина. Все образуется. Лучше послушай, что я тебе сейчас расскажу. Я приехал (не от себя!) с очень щепетильным предложением вашей Фирме. Нужно поработать под грифом «Совершенно секретно, КГБ СССР». А точнее – от моего отдела, поручившего это дело мне. Почему мне? Просто: для более успешного проведения операции, я взял на себя эту ответственность и сказал, что у меня есть ты, хороший и надежный приятель. Не без корысти для нас обоих, конечно. Сказал, что потребуются немалые средства. Персонально для тебя. Я правильно поступил, коллега?

Тэд с усмешкой глянул на Евгения и, немного помедлив, поправил:

– Напарник.

– Что? А! О`кей: напарник.

– В чем суть дела? – спросил Тэд спокойно, будто заранее был согласен работать в качестве напарника с русским полицейским, но хотел знать подробности.

– Не буду пересказывать беседу с твоим Гарди. Его вполне устраивает договор с гонораром в миллион пятьсот тысяч долларов, в числе которых пятьсот тысяч твои.

Работа

простая. Ну, настолько простая, что проще не придумаешь. Но может это мне так только кажется. Нужно оригинал инициаций двух советских ученых, Назарова Владимира Александровича и Роберта Корнева... документ называется «Практическое пособие по развитию Совершенства Разума»... передать мне для возвращения его на родину, отчего информация содержимого не станет достоянием других государств. Легенда должна выглядеть так: этот документ сгорел при пожаре. Все расходы по договору берет на себя КГБ СССР. В случае невыполнения условий со стороны заказчика, то есть с нашей стороны, исполнитель, (ваша Фирма), может этот контракт подвергнуть огласке. Теперь мне нужно твое согласие, дружище.

Тэд молча минуту крутил в пальцах салфетку, обдумывая условия, изложенные Евгением. По сути, департамент страны советов предлагает Фирме ФБР участие своего официального дела в качестве неофициального партнера. Ну что ж, если Гарди подписал договор, то ему, Тэду, нет смысла перебирать едой, не Бог знает какая он персона! И на этот раз он серьезно сказал Евгению:

25

– Только с одним условием...

– Тэд, – обрадовано перебил его Евгений, – любые! Я даже знаю, о чем ты подумал. Не волнуйся и не переживай: первое – это полная конфиденциальность, второе – гарантия оплаты. Что касается первого, придется довериться моему честному слову. Второе – обеспечиваю прямо сейчас: я принес тебе дополнительно триста тысяч, о которых не

будет

знать никто. Годится?

– О`кей. Это немного успокаивает. Во всяком случае, при таких деньгах я не пропаду, если из-за тебя меня уволят. Но ты не дослушал мое условие. Тебе придется пойти со мной к... психоаналитику, – соврал Тэд, – она проведет необходимый для нашей работы сеанс. Оплата твоя за ее услуги. Только после этого мы сможем начать. Это же тебе скажет и Гарди.

– Напарник, ты меня обижаешь: нет проблем! – Евгений достал из внутреннего кармана конверт и передал его Тэду, – здесь инструкции. – Затем извлек чековую книжку, оторвал бланк и подписал его на пятьсот тысяч долларов.

Тэд искоса взглянув на чек, с усмешкой, какая всегда в хорошем настроении осветляет его лицо, заметил:

– Вот так тебе верить, коллега! Говорил триста, а подписал на пятьсот.

- Извини, напарник, – с нарочитой издевкой произнес Евгений, – такое уж я дерьмо!
– Тогда, напарник, ты меня очень порадовал. За это и выпьем!

Созерцание внутреннего света

Покинув Хибискус-роуд, а за ним и фешенебельный квартал Северо-восточного района, Джон направил машину по Линкольн-авеню к океану. Он отказался от встречи с Моной, пока не прояснит окончательно всю ситуацию. Он постарается без дополнительных вопросов разобраться в ее соучастии этого дела. Учитывая ее характер, не было никакой надежды на удачный разговор без доказательных аргументов. Ничего, пусть поскучает, да и ему необходимо опомниться и поставить все на свои места. Наверное, пришла пора выбора. И он примет участие в этом жестоком шоу.

Набрав номер своего друга Майкла, он подумал, что звонок очень затянулся.

– Джон, ты вовремя позвонил. Мне кажется, я незаметно, но уверенно погружаюсь в трясину. Снова позвонил этот тип. Где ты сейчас находишься? Можно говорить?

– Да, Майкл, говори. У меня в машине пока что жучков нет.

– Ты уверен?

– Вполне.

– Ладно. Так вот, он знает все твои передвижения. Такое впечатление, словно он бестелесный. А может быть гений. Например, в конце разговора он мне посоветовал позвонить тебе через пятнадцать минут. Он сказал, что в это время ты будешь на пути к побережью. Но мне это совсем не понравится, если ты скажешь, что он оказался прав.

– Майкл, он оказался прав. И я теперь перестаю удивляться. Пора серьезно подумать.

Ты не возражаешь? Если нет, то жду тебя сейчас в баре Фан-клуба.

– Хорошо. Выезжаю.

Джону пришлось немного подождать Майкла в баре Фан-клуба за стаканом коньяка и ледяной водой.

Узнав инспектора, люди Пола Бассетта, владельца заведения, подошли к нему, предложили свои услуги послать за хозяином. Он ответил, что немного отдохнет от встречи с Бассеттом и сделает это несколькими минутами позже. Конечно же, люди Пола сразу сообщили своему хозяину о его прибытии. Джон понимал, что его присутствие не могло принести обитателям Фан-клуба приятных эмоций. Не развлекаться же он сюда явился!

26

Сидя на софе у Моны, Джон наскоро ознакомился с сюжетом первой части романа Майкла, и теперь он понял, что все идет по заданному сценарию. Тогда какую цель предусматривает роль Моны? Сомнения снова охватили Джона. Неужели Мона действительно замешана в этом дерьме?

И снова Джон, – в который раз! – поймал себя на запретной теме.

Наконец, у входа появился Майкл. Он издала рукой поприветствовал бармена, скинул с плеча фотокамеру и уселся напротив Джона.

– Ты будешь пить то же, что и я?

Майкл не возражал. Джон послал взгляд услужливому бармену, кивком головы показал на свой коньяк и на Майкла. Музыка, исходящая откуда-то сверху, на мгновение притихла,

и бармен в этой тесной паузе произнес «Слушаюсь, сэр!»

– Перед тем, как зайти в зал, нам нужно обговорить все детали, Майкл.

– Согласен, но вначале послушай запись, – Майкл приложил диктофон к уху Джона.

Из пластмассового корпуса прозвучал молодой, хорошо поставленный и знакомый, как показалось, голос мужчины: «Hello, Майкл! Мне понравилась первая часть твоего сюжета.

Давай договоримся о наших с тобой делах. Я обещаю следовать сюжетной линии, но ты, как профессионал, не разочаруешь меня традиционной банальностью, хорошо? Так что жду продолжения в виде готовой рукописи для следующего номера. Эту часть я скоро исчерпаю, имей в виду! И тогда тебе придется описывать то, что не ты, а я для тебя сочиню на практике. Кстати, позвони своему другу Джону. Он через пятнадцать минут будет на дороге к океану. Бай-бай!»

– Ну что, впечатляет?

– Ублюдок он. Только не пойму, для чего это ему? Что он хочет?

– Это я постараюсь выяснить, Джон. Напрямую с ним. Я обещаю.

– Узнай, если сможешь. А пока мне необходимо выяснить, кому принадлежат отпечатки в доме несчастного Клода. Они же кому-то принадлежат! Клод работал здесь за одним из столиков рулетки. И вот еще, хочу, чтобы ты знал. Я расспросил управляющего домом, Бейлиса. Он мне выдал сумасшедшие сведения. Знаешь что? – Джон обхватил руками свою голову и резко освободил ее, расставив в стороны раскрытые ладони. – Он назвал спутницу Клода, когда тот оформлял квартиру. Ее звали Мона. По описанию – точь-в-

точь

она, моя Мона. Что происходит, Майкл? – Джон снова обхватил голову руками и, опи-

раясь

локтями о стол, минуту созерцал пустой стакан из-под коньяка.

– Может с этим нужно смириться? – Майкл сочувственно посмотрел на Джона.

– Я не хочу этому верить. В лучшем случае Мона, как и я, оказалась в дерьме. Мне – служебное разбирательство, ей – подозрение или соучастие в убийстве. У меня ограниченный срок расследования, Майкл. Шеф уже предупредил. Раньше времени ему

на

глаза показываться нельзя. Сведения тоже придется подать с задержкой. Ситуация не позволяет мне подключить других официальных лиц. А тут еще эта записка!

– Успокойся, Джон. Эта записка подождет, – сказал Майкл.

– Согласен, подождет. Тогда, если не возражаешь, займемся ее автором, – сказал Джон, будто все решал Майкл.

Джон расплатился с барменом, и они вошли в игорный зал.

Здесь, как и должно, оживленно, сосредоточенно, празднично. На небольшой сцене под томную сексуальную мелодию выкручивает пируэт танцовщица. Цветомузыкальные прожекторы неожиданно изменяют цвет наряда исполнительницы.

Их встретил работник клуба в голубом форменном костюме с черными окантовками на лацканах и манжетах.

– Господа?

– Нам твоего хозяина, дружок.

– Прошу за мной, господа, – пригласил работник элегантно жестом.

Они прошли через зал по служебному проходу на второй этаж в гостиную, а скорее, офис с широкими окнами, тремя мягкими креслами, большого размера журнальным

27

столом, несколькими расставленными в разных местах стульями, в углах и посередине бочками в полуметровую высоту с экзотическими растениями, рабочим столом. Свет уходящего дня приглушенно проникал сквозь жалюзи. Прохладно. За столом в комфортабельном кресле покоился не в меру упитанный человек. Его добродушное с маленькими глазками лицо светилось улыбкой. Он привстал навстречу гостям:

– Рад вашему приходу, господа. Присаживайтесь, – тонким женским голосом проговорил Бассетт, – коньяк, Сайдакар*, кофе?

– Можно коньяк, – Джон разместился в кресле, взял сигару из коробки лежащей на

столе.

Майкл сел рядом. Бассетт незаметно кивнул молодому человеку, стоящему у входа. Тот вышел и сразу же на его месте появился второй, ни одеждой, ни внешностью не отличающийся от первого.

Очень быстро вошел официант с подносом – маленькими стаканчиками коньяка и бокалами ледяной воды. Бассетт, пристально посмотрев на гостей, спросил:

– Инспектор, чем обязан? Хотя догадываюсь, о чем пойдет речь.

– Вы совершенно правы, Пол. Именно о том, о чем догадываетесь. Меня и моего коллегу по расследованию интересует ваш бывший работник Клод. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Жаль беднягу. Было бы из-за чего.

– Нет, мистер Бассетт, вы меня не поняли. Я не о самоубийстве. Речь пойдет об убийстве Клода.

Лицо Пола Бассетта никак не изменилось, чего не ожидал Джон. Наоборот, Пол принял сообщение с заведомо спокойной реакцией осведомленного человека. Усевшись поудобней

в кресле, он закурил, и некоторое время молча что-то обдумывал. – Что же вы полагаете, мистер Конрад, мне моя шкура безразлична? – наконец спросил он.

Джон пожал плечами. Такой откровенности независимого общения со стороны Пола он не предполагал, хотя мог бы встретить и вполне морально оправданный отпор.

– Вы скажете «верно». Так вот, Джон, из уважения к вам и еще по очень личным причинам я, вместо ответа, помогу вам немаловажным советом, в чем я и сам заинтересован. А вы взвесьте и поступите правильно. Клод был на редкость гениальным работником. Таких просто редко встретишь. Нет, не в том смысле, что был слишком исполнительным и честным крупье. Вы же понимаете, с какой тщательностью мы подбираем людей на работу, связанную с непосредственными деньгами на столе. Так вот, Клод был гениальным по природе. Его феномен заключался в способности притормаживать вращение диска рулетки, не прикасаясь ни к чему. Рабочие места контролируются видеокамерами, я их вижу здесь, – Бассетт протянул руку к столу и тут

же

стоящий на крышке экран монитора повернулся к зрителям. На растре появилось изображение игорного зала, автоматически переключаясь, то на один, то на другой объ-

ект

с определенной паузой. – Клод об этом знал. И не использовал свою возможность утаить деньги. Но его погубила профессиональная страсть. Несколько крупных сумм он, таким образом, оставил нашей казне. Не скрою, я был восхищен им, и даже в глубине души благодарен ему. В то время наши дела шли плохо. Межрегиональный контроль, безусловно, при всей своей старательности не смог бы уличить его в афере. Да и этих фактов было за все короткое время, какое он у нас проработал, три, не более.

Единственный свидетель – это моя видеотехника. На замедленном прокручивании четко просматривается реакция торможения диска на заинтересованном знаке. Я понимал, что это плохо кончится и в тот роковой вечер, когда к его столу подошел очень богатый клиент,

я решил спуститься к нему в зал еще до начала игры, чтобы отозвать его на откровенный разговор. Но не успел. С микрофона я услышал вот что, – Бассетт нажал кнопку на пульте управления, и в пространстве прозвучали голоса смешанные с общим шумом зала:

«Клод,

ты считаешь меня младенцем? Нет, это ты младенец против меня, хоть и гениальный.

Мне

мой выигрыш, как и проигрыш ничего не стоят, но Ридли и Мейсен другого мнения. Они
28

со своими капиталами раздавят тебя, как клопа, и не оставят в стороне богадельню твоего
жирного папы. Это только из-за одного своего престижа, из-за унижения, которое они
вынесли по твоей вине, когда несколько гнилых миллионов ты вытрусил у них и оставил
своей фирме или положил себе в карман. А точнее – украл. И вообще, зачем тебе все это?
Живи поспокойней. Я тебе предлагаю кучу денег. Их тебе хватит не только до конца

твоих

дней, но и твоим потомкам. Соглашайся. Ты пойми, у меня нет другого выбора. Если бы
был, я бы не настаивал – нет, так нет... В общем, выбирай. Либо я тебя заложу, и тогда

тебе

крышка в моральном и физическом смысле, либо ты король с деньгами. Сегодня я приду

к

тебе домой. Это последний срок. Бай-бай!»

Бассетт запрокинул голову на спинку кресла, задумался.

– Когда это было? – спросил Джон.

– После этого разговора Клод на работу не явился.

– Вы видели лицо этого человека, мистер Бассетт? – спросил Майкл.

– Видел. Но это все, чем могу помочь, – ответил Пол, обращаясь к Джону. – Советую
войти в контакт с кем-нибудь из научного мира. Например, из Международной
Ассоциации Биоэнергетики. Она имеет прямое отношение к способностям Клода.

– Хорошо, Пол. Даже притом, что вы нам рассказали далеко не все, мы очень
благодарны вам, – Джон поднялся, протянул на прощанье руку, – обещаю, наш разговор

не

выйдет за пределы этих стен.

– Пожалуйста, Джон. Но когда я почувствую гарантированное спокойствие, сообщу
вовремя. Приходите. И еще, – он показал на молодого парня у дверей, – это Арчер. Он вас
проведет и покажет кое-что.

Они снова оказались в игорном зале.

На сцене под энергичную мелодию танцевала уже другая девушка. Арчер коротким
жестом показал на дальний угол зала за колонну, где не было посетителей, на видеока-

меру,

подвешенную под потолком.

– Босс приказал мне остановиться здесь. Видите сцену?

– Видим, и что же? – Джон внимательно посмотрел туда, где танцевала девушка.

– Так вот, она танцевала до того дня, как исчез Клод.

– Кто «она»? – поинтересовался Майкл.

– Этого я вам сказать не могу. Она была любовницей Клода. Она работает, но на сцену
мистер Бассетт выходить ей запретил. Он сохранил ей заработок и сказал, что это
временно, скоро все станет на место, и она снова будет танцевать.

– Она далеко живет? – спросил Майкл, в надежде узнать хоть что-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.